

**ЭМИЛЬ БРАГИНСКИЙ, ЭЛЬДАР
РЯЗАНОВ**

СТАРИКИ- РАЗБОЙНИКИ

Часть сборника: Старики-разбойники (сборник)

Эльдар Александрович Рязанов Эмиль Вениаминович Брагинский Старики-разбойники

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183983

Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский Старики-разбойники: АСТ, Зебра Е;

Москва; 2008

ISBN 978-5-17-048780-6, 978-5-94663-535-6

Аннотация

«... Люди делятся на тех, кто доживает до пенсии, и на остальных. Пенсия – это сумма денег, которую безвозмездно выплачивают в период между окончанием работы и окончанием жизни. Человек, которому платят за то, чтобы он не работал, называется пенсионером. Пенсионеры бывают союзного значения, республиканского значения, местного значения и те, кто значения не имеют. А старость надо уважать, хотя бы потому, что каждый, если повезет, станет стариком или старухой... »

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Эмиль Брагинский, Эльдар Рязанов Старики-разбойники

Глава первая

Люди делятся на тех, кто доживает до пенсии, и на остальных. Пенсия – это сумма денег, которую безвозмездно выплачивают в период между окончанием работы и окончанием жизни. Человек, которому платят за то, чтобы он не работал, называется пенсионером. Пенсионеры бывают союзного значения, республиканского значения, местного значения и те, кто значения не имеют.

А старость надо уважать, хотя бы потому, что каждый, если повезет, станет стариком или старухой...

Николаю Сергеевичу Мячикову повезло. Неделию назад ему исполнилось шестьдесят лет.

Внешность у Николая Сергеевича была такая же, как возраст, а фамилия такая же, как жизнь. Мячикова швыряли, гоняли, пинали и, случалось, надували. Но, несмотря на это, на лице Николая Сергеевича светились голубые, детские глаза. По ним можно было догадаться, что Николай Сергеевич – человек добрый, мягкий, доверчивый, ясный и поэтому

недалекий. Совершенно непонятно, как человек, обладающий такими качествами, мог работать следователем по уголовным делам.

В следователи Мячиков попал не по своей воле. Когда он учился в юридическом институте, то мечтал стать адвокатом и произносить речи, от которых рыдали бы и судьи и преступники. Но в то время адвокаты были не нужны, а следователей не хватало. И Мячикова направили работать следователем. Он попросил, чтобы его послали на борьбу с уголовниками. Шли годы... Кривая преступности неуклонно ползла то вниз, то вверх. Менялись начальники Мячикова – районные прокуроры, тоже ползли то вверх, то вниз, а наш Мячиков достиг должности старшего следователя и застрял.

Семнадцатый начальник Мячикова, Федор Федорович Федяев, вызвал однажды своего подчиненного и сказал:

– Николай Сергеевич, ограбили обувной магазин! – При этом Федор Федорович улыбнулся. – Украл так много сапог, что хватило бы на женский кавалерийский полк!

– А разве женщины служат сейчас в кавалерии? – изумился Мячиков.

– Извините, я забыл, что чувство юмора не ваша стихия! – сказал Федор Федорович.

– Извините, – ответил Мячиков, – я не понял, что вы пошутили! Что это у вас на щеке? Фурункул?

Щеку прокурора украшал пластырь, неряшливо наклеенный крест-накрест.

– Ерунда! Бандитская пуля! – отмахнулся Федяев и перешел к делу: – Закажите оперативную машину! Сейчас мы с вами поедем!

Николай Сергеевич вышел из кабинета выполнять распоряжение, а Федяев стал надевать югославский плащ с темно-зеленым отливом, точно такой же, какой носил сам Андрей Никанорович. Как настоящий начальник, Федяев не пользовался общим гардеробом. В углу кабинета он держал свою, персональную вешалку. Станиславский, говоря, что театр начинается с вешалки, ошибался. С вешалки начинается начальник.

Надеть шляпу Федяев не успел. Помешал телефонный звонок.

Этот телефонный звонок, как и положено в детективе, послужил завязкой для нашей истории под названием «Старик-разбойники».

Федор Федорович снял трубку и сказал: «Я вас слушаю!» В ответ раздалось:

– Здравствуй, Федяев! Как живешь?

– Добрый день, Андрей Никанорович! – В отношениях с вышестоящими лицами Федор Федорович пытался держаться независимо. Был вежлив, приветлив, но не подобострастен и даже позволял себе некоторые вольности: – Ловлю жуликов, Андрей Никанорович!

– Вот я тебе и подброшу в помощь одного человечка! Ты его прими на работу!

– Кем, Андрей Никанорович? – осведомился Федяев.

– Не бойся, не районным прокурором, – хохотнул собеседник, – а только лишь следователем!

– Вакантного места у меня нет! – бесстрашно ответил Федяев.

– Найдешь! – коротко сказал Андрей Никанорович и повесил трубку. Чехов, говоря, что краткость – сестра таланта, ошибался. Краткость – сестра начальства...

Нетрудно догадаться, что этот будничный, скучный разговор изменит жизнь Мячикова, которому так не вовремя исполнилось шестьдесят лет.

Федяев надел ворсистую темно-зеленую шляпу, точно такую, как носит Андрей Никанорович, вышел из кабинета и сказал секретарю:

– Я на объект!

Вскоре оперативная машина мчалась на место преступления. В машине ехали четверо – водитель, Федяев, Мячиков и фотограф...

Через двадцать минут автомобиль, набитый блюстителями закона, прибыл к дверям ограбленного магазина. Перепуганный директор услужливо распахнул дверцу автомобиля и затараторил:

– Мы пришли утром. Магазин был заперт, пломба не сорвана, окна не выбиты, двери не взломаны. А внутри не хватало двухсот пар голландских сапог на меху. По семьдесят рублей пара.

– Голландских? – задумчиво переспросил Николай Сергеевич. Он уже вышел из машины и внимательно изучал входную дверь.

– Все отечественные сапоги на месте! – заверил директор.

– Пройдемте к вам в кабинет! – распорядился Федяев. – А вы, Николай Сергеевич, осмотрите место преступления!

У себя в кабинете директор, явно боясь, что его арестуют, говорил, запинаясь и нервно вертя в руках обувной рожок:

– Ключи всегда у меня. Я их никому не доверяю, потому что я материально ответственный. Кстати, вашей жене не нужны голландские сапоги?

– Из тех, что украли? – ехидно спросил Федяев.

– Нет, из тех, что еще не успели! – наивно ответил директор.

– Спасибо, не нужны. Продолжайте!

– На чем мы остановились? – Директор был вконец растерян.

– На том, что вы материально ответственный...

– Да-да... если что-нибудь пропадет, то отвечать мне...

– Уже пропало! – напомнил Федяев. – Самая пора отвечать!

Директор побледнел и принялся жадно глотать воздух.

В дверь заглянул Мячиков и заговорщически поманил Федяева.

Николай Сергеевич привел начальника в подвал, где складывали тару. Там Мячиков приподнял линолеум, которым

был покрыт пол, и показал на железную крышку люка. Прокурор и следователь с трудом откинули ее, и перед ними открылась черная дыра колодца, ведущая в неизвестность. Сыщики переглянулись и бесстрашно полезли в отверстие.

Они медленно продвигались по узкому и темному тоннелю. Под ногами чавкала вода, поблескивали водопроводные трубы, переплетались зачехленные провода. Потом тоннель сузился, сжался, идти стало уже невозможно, пришлось ползти. Мячиков полз впереди, за ним пыхтел Федяев.

Неожиданно Федор Федорович схватил подчиненного за ногу. Тот испуганно вздрогнул.

– Мне нужно с вами серьезно поговорить... – начал Федяев.

– Другого места вы не нашли? – спросил Николай Сергеевич, вырывая ногу.

– Здесь очень удобно: никто не мешает, а темноты я не боюсь, – подробно объяснил Федор Федорович. На самом деле он хотел говорить с Мячиковым именно в темноте, чтобы не видеть его честных глаз. – Когда вы собираетесь уходить на пенсию?

Вместо ответа Николай Сергеевич быстро пополз вперед.

– Подождите, не уползайте! – приказал прокурор, наступая руками на пятки подчиненного. – Надо наконец позаботиться о своем здоровье!

– Я здоров! – бодро произнес впереди ползущий.

– Вам трудно работать! – настаивал Федяев. – За послед-

ние два года вы не раскрыли ни одного преступления!

– Как так! – возмутился Мячиков. – А дело о пересортице раков? Я перемерил сантиметром тринадцать тысяч семьсот двадцать штук!

– Это был титанический труд! Боюсь, что на нем вы и сломались!

Впереди забрезжил свет. Тоннель заканчивался. Мячиков извивался, как змея, протискиваясь к выходу. В этот момент он наткнулся на улику. Когда Николай Сергеевич первым выбрался на волю, то в руке он держал черный кожаный сапог. Мячиков огляделся. Тоннель привел в глухой двор, отгороженный от парадной жизни сплошным забором.

Вслед за Мячиковым появился на свет Божий и Федяев.

– Хотите, чтобы я подал заявление об уходе на пенсию? – убитым голосом спросил Мячиков.

– Хочу! – кивнул Федяев.

– Значит, вы меня увольняете?

– Я вас не увольняю.

– Ну, отправляете на покой. Потому что я плохо работаю?

– Да! – соврал Федяев.

– А если бы я продолжал хорошо работать, то вы бы меня не уволили на пенсию? – спросил простодушный Мячиков.

– Нет! – соврал Федяев.

– А я вот сапог нашел!

– Так он под ногами валялся!

– Под руками! – уточнил Мячиков. – Но я раскрыл зна-

менитое дело шайки Сидорчука!

– Я это проходил в институте!

– Именно я вел дело о плюшевых медведях...

– Об этом написано в учебнике! – безжалостно прервал Федяев. – Все это было до нашей эры.

– Значит, я для вас ископаемое! – обиделся следователь.

– Полезное ископаемое! – уточнил прокурор.

– Поручите мне дело с кражей сапог! – взмолился Николай Сергеевич.

– Тут раскрывать нечего! – пожал плечами Федор Федорович. – Ясно, что кражу совершил тот, кто знает про этот тоннель... А найти его, как говорится, дело техники...

– Поручите мне что-нибудь другое! Я не могу уйти... Что я стану делать дома? – В голосе Николая Сергеевича появились трагические интонации.

– Ну, хорошо, хорошо! – великодушно сказал Федяев, который, как и все работники прокуратуры, любил незащитного Мячикова. – Давайте договоримся так: поработайте еще месяц. Если вы себя проявите, мы вернемся к этому разговору!

– Я проявлю! – пообещал Мячиков. – Я еще на многое способен.

– Ну и прекрасно! – благодушно сказал Федяев, решив про себя, что за этот месяц не поручит Мячикову ни одного дела.

В течение последнего часа к Федяеву обратились с прось-

бами два человека: один нужный, а другой ненужный.

А ненужные люди не должны обращаться с просьбами. Только они этого не знают.

Глава вторая

В то время как Николая Сергеевича взащей выталкивали на пенсию, его друг инженер Воробьев уходил на пенсию добровольцем.

Проводы на пенсию – это трогательное мероприятие. Чтобы больше никогда не видеть юбиляра, сотрудники скидываются на подарки, остаются после работы и произносят речи о заслугах бывшего сослуживца.

Комиссия по проводам В.П. Воробьева хорошо подготовила представление.

Валентин Петрович сидел сейчас в президиуме, да не просто сидел, а между референтом министра и управляющим трестом.

Был зачитан заранее организованный телеграфный поток приветствий от всех филиалов треста. И юбиляр принял все за чистую монету.

После приветственных телеграмм над залом появился плакат: «На кого ты нас оставляешь?» Нестандартный текст плаката был предварительно согласован с управляющим трестом.

Юбиляр оглядел президиум и подумал, что действительно оставить не на кого.

На сцену вышел главный бухгалтер. Он должен был выступать первым.

– Дорогой Валентин Петрович! – проникновенно начал главный бухгалтер, прижимая к сердцу электрическую кофеварку.

Перед заседанием Валентину Петровичу объяснили, что, когда его станут приветствовать, он должен вставать.

Валентин Петрович встал.

– Я не представляю себе, что дважды в месяц буду подписывать ведомость на получение заработной платы без вашей фамилии! – улыбнулся бухгалтер.

Он вручил кофеварку и расцеловался с Воробьевым, который мысленно представил себе ведомость, где между Барашом и Добродеевым нет фамилии Воробьева.

Не успел Валентин Петрович поставить кофеварку на маленький столик, специально подготовленный для подношений, и сесть, как на сцене появился начальник планового отдела.

– Дорогой Валентин Петрович! – восторженно закричал начальник планового отдела, прижимая к груди мельхиоровый подстаканник.

Валентин Петрович встал.

– Я не представляю себе, что приду завтра на работу и не увижу тебя! – вздохнул оратор и вручил подстаканник Воробьеву. Они расцеловались, и Валентин Петрович с некоторым удивлением подумал, что не испытывает огорчения от разлуки с начальником планового отдела. «Все-таки я нехороший человек», – отметил про себя Воробьев, поставил по-

дарок на стол и сел.

Плановика сменил главный инженер.

– Друг ты мой, Валентин Петрович! – печально сказал главный инженер, прижимая к груди рыболовный набор.

Валентин Петрович встал и внимательно слушал, стараясь не упустить ни одного слова.

– Ты человек необыкновенный. Я вспоминаю, – закатил глаза главный инженер, – как понадобилось перевезти из Свердловской области глыбу мрамора весом двести с лишним тонн для памятника Фонвизину, который «Недоросля» написал, – пояснил оратор аудитории, – ну, на Фонвизинской площади, – и вдруг выяснилось: этот мрамор перевезти невозможно!

Валентин Петрович покивал головой: мол, действительно, было невозможно.

– Мраморная глыба не помещалась на железнодорожной платформе, – увлеченно продолжал главный инженер, – не проходила под мостами, а ее надо было перевезти целиком, а не кусками. Понимаете, для постамента. Все специалисты зашли в тупик. И тогда эту сложную техническую задачу, которая, кстати сказать, к профилю нашего треста не имела ни малейшего отношения, решил Валентин Петрович. У него вообще светлая голова, в которой полным-полно разных идей.

Оратор повернулся к юбиляру и спросил глухим голосом:

– Зачем ты, Валентин Петрович, преждевременно закапы-

ваешь в землю талант инженера?

Воробьев вспомнил про свой талант и подумал, что на самом деле добровольно закапывает его в землю. От этой мысли у Валентина Петровича больно сжалось сердце. Дрожащей рукой он положил рыболовный набор рядом с кофеваркой и подстаканником, налил боржома и выпил.

На этот раз сесть Воробьев не успел. На сцену выскочила секретарь комсомольской организации и запричитала, прижимая к груди трехрожковый подсвечник:

– Дорогой Валентин Петрович! Сколько раз мы, молодежь, пользовались вашими советами. Вы щедро делились с нами своим опытом. Мы осиротели сегодня!

– Это верно, – неожиданно для самого себя вслух сказал Воробьев. – Бедная вы сиротка! – Он нежно поцеловал девушку и сел, забыв взять подарок.

В зале зашушукались. Оторопевшая комсомолка сама поставила подарок возле остальных жертвоприношений.

Пытаясь прийти в себя после неожиданного заявления юбиляра, управляющий трестом наклонился к референту министра:

– У нас заготовлен номер художественной самодеятельности. Вы не возражаете?

Референт министра кивнул.

Тотчас на сцену взобрались двое – парень с гитарой и девица в брюках.

– Не уезжай ты, мой голубчик, – затянула девица, прижи-

мая к груди руки. Ее подарком была песня.

Валентин Петрович встал.

Печально жить мне без тебя.

Дай на прощанье обещанье,

Что не забудешь ты меня...

Скажи ты мне, скажи ты мне,

Что любишь меня, что любишь меня...

Нервы у Валентина Петровича сдали окончательно, он заплакал, пролепетал: «Спасибо» – и сел.

– Дорогой Валентин Петрович! – тихо начал управляющий трестом, прижимая к груди никелированный самовар.

Валентин Петрович встал.

– Мне трудно говорить, сегодня у меня траурный день, – драматически продолжал управляющий. – Мы проработали с тобой двадцать лет. Ты – моя правая рука. Сегодня ее безжалостно отрубают...

Мысль о том, что управляющий станет одноруким, доконала плачущего юбиляра, и он перестал соображать.

– Дорогой Валентин! – попросил управляющий. – Разрешите в трудные минуты обращаться к тебе за помощью...

Голос управляющего дрогнул, он махнул рукой, как бы показывая, что нет у него сил довести до конца эту мучительную речь. Он трижды облобызал юбиляра и вручил самовар. Они вдвоем водрузили его на подарочный столик. Воробьев всхлипывал как ребенок, не стыдясь слез.

Наконец поднялся референт министра.

Референт начал говорить еще тише, чем управляющий трестом. Давно известно: чем выше, тем тише! Сначала был зачитан благодарственный приказ по министерству. Потом референт министра говорил от себя лично. Он ничего не прижимал к груди. Его подарком было его присутствие. Он не мог замыкаться в узких рамках такого частного происшествия, как уход на пенсию. Он смотрел на жизнь шире и глубже. Он долго говорил о поднятии производительности труда, привычно призвал коллектив к новым трудовым успехам, под конец спохватился, вспомнил, ради чего проводится совещание, пожал Валентину Петровичу руку, вручил ему приказ и пошутил:

– Я не понимаю, какие трудовые успехи могут быть у «Промстальпродукции» без вас!

Но Валентин Петрович уже не понимал шуток. Он вышел на авансцену и громко сказал:

– Товарищи!... Я так растроган... Я и не представлял себе, что вы меня любите так сильно... Я жалею, что не позвал сюда жену, дочь, ее жениха Володю и моего лучшего друга Колю Мячикова. Я вас тоже люблю...

Он взял самовар и молча вернул его управляющему трестом.

– Тебе не понравился самовар? – растерянно спросил управляющий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.